

Отзыв

официального оппонента о диссертации Александры Андреевны
Жуковой «А. А. Блок и Н. С. Гумилев: религиозно-философские основы
творчества (женский Идеал и его интерпретации)», представленной
на соискание ученой степени кандидата филологических наук
по специальности 10.01.01 – русская литература

Работа А.А.Жуковой посвящена актуальной и дискутируемой в литературоведении теме. Философское содержание и значение «женского Идеала» в творчестве модернистских художников и, конкретно, у А.Блока и Н.Гумилева всегда живо интересовали исследователей. А с полноценным возвращением творчества Н.Гумилева, которое изменило представление о литературном процессе 1910-х годов, эта тема приобрела новые творческие возможности и перспективы.

Прежде чем обратиться к анализу «женского Идеала», автор работы закономерно выясняет причинно-следственные связи его появления. Она ставит перед собой задачу изучить и систематизировать философские интенции, историко-литературные связи и художественно-эстетические принципы Блока и Гумилева с помощью комплексного подхода, учитывающего поэтическое, эпистолярное и литературно-критическое наследие поэтов (о себе добавим, что в этом комплексе присутствуют приметы европейской и русской философско-эстетической традиции). А.А.Жукова дедуцирует исследование темы, что представляется методологически оправданным. И не только потому, что этого требует тема: не обобщив максимум доступных свидетельств о появлении и проявлении мистико-философского феномена женской темы у Блока и Гумилева, задуманное трудно было бы осуществить.

Научную новизну соискатель мотивирует многосторонним подходом к исследованию темы, стремлением выявить единую философско-эстетическую основу женского архетипа, образная динамика которого позволила бы ей проследить «поэтическую эволюцию поэтов». При всем том, что сравнения поэзии Блока и Гумилева предпринимались неоднократно, новизна выбранной точки зрения представляется вполне обоснованной.

Работа обладает стройной, продуманной композицией, отражающей избранную автором логику организации и исследования привлеченного материала.

Правда, в одном из утверждений актуальности темы автор диссертации вскользь высказал намерение «подтвердить гипотезу о редуцировании поэтических ограничений с точки зрения канонов символизма». Гипотеза лишь упомянута, хотя, будучи основой замысла и концепции работы, могла быть представлена более развернуто. То же относится и к намерению «основное внимание в работе посвятить проблеме жизнетворчества». Время от времени она затрагивается, но, подробного освещения, как показалось, не получает.

В 3-х параграфах I главы А.Жукова предлагает обширный обзор подходов и осмыслений «серебряного века» в литературоведении, подробный перечень различных точек зрения на взаимоотношения символизма и акмеизма. Эта глава, как, впрочем, и вторая, где речь идет о развитии поэтами софиологической и имяславческой религиозно-философской традиции, очень информативна. Очевиден большой объем работы по поиску и собиранию источников, освоению концептов, которые могли способствовать решению исследовательских задач. Нет сомнений, что такая работа полезна и необходима. Но, думается, использование всей массы предварительно накопленного материала не всегда оправдано, поскольку, во-первых, отвлекает внимание от предмета исследования (многое можно было бы почерпнуть непосредственно из источников, на которые ссылается автор), и во-вторых, создает опасность для исследователя не удержаться в рамках логической последовательности выводов и решаемых в диссертации задач. Должная редукция собранных сведений позволила бы избежать некоторых иных ошибочных утверждений и неточностей. Насколько, к примеру, необходимо дискутировать проблему авторства названия «серебряный век», его периодизации, его оценок в советский период (особенно в рамках структуралистских представлений), и как это способствует прояснению проблеме идеала у исследуемых поэтов? Или утверждать заведомо спорную мысль о том, что «религия как институт потеряла идеологическую роль на поприще нравственного воспитания современников» (дисс., с.9)? Напротив, заботясь об общественной нравственности модернисты актуализовали духовную сферу (см. работу Мережковского «Грядущий хам», сб. «Вехи», призывы Г.Флоровского к «сердечному богословию»), вывели религиозную проблематику за пределы традиционных духовных институтов, создали уникальную, не просто религиозную, а «нутряную» философию, направленную на «взрыхление души» (В.Розанов) и нравственности. Все это и дало Н.Бердяеву право говорить о религиозном и культурном Ренессансе.

Хочется задать еще один вопрос. «Серебряный век», - пишет А.А.Жукова, - является не только условным периодом в истории развития

русской литературы, национальным мифом или духовным Ренессансом <...>, но и <...> литературно-философским методом прочтения текстов» (автореф.С.12) Как «период в истории литературы», «мифологическая единица» «национальный миф», как определяет «серебряный век» автор диссертации, способен стать литературно-философским методом прочтения текстов»?

В связи с усилением внимания модернистов к метафизической проблематике, А.А.Жукова подчеркивает «особую значимость лирики Тютчева, Фета, Полонского» (дисс. с.11). Разделяя предпочтения автора, справедливым было бы добавить, что эта сфера была обнажена модернистами во всей русской классике и использована в качестве опоры для нового философско-эстетического понимания мистических глубин русской поэтической традиции. («Все старые поэты в ту пору, приблизительно перед началом мировой войны, показались внезапно новыми», - писал О.Мандельштам.) И определяющее влияние на прежде неведомые возможности такого подхода сыграла поэзия Гете, немецких романтиков, и, конечно, шеллингианство.

Первым защищаемым положением является утверждение о «противоположно-направленной коллинеарности» или, иными словами, разнонаправленности эстетических устремлений Блока и Гумилева, согласно которой, как полагает соискатель, первый сумел найти поэтические соответствия своему мистическому тайновидению, а второй, в силу отсутствия или намеренного нежелания «перейти заветную черту», сосредоточился на скульптурно-пластической риторике «непознаваемости» и «невыразимости» мистического гения. Непросто понять, как эта мысль соотносится с математическим термином «коллиенарность», но в принципе она допустима: Блок и Гумилев питались из общих источников мировой культуры («мы проскочили сквозь рощу пальм, / Через Неву, через Нил и Сену <...> , - перечисляет лирический герой «Трамвая»), но поэтическую образность искали в разных кладовых культурно-исторической памяти. Позже автор уточнит свою мысль, сказав что: «творчество символистов и творчество акмеистов являются полюсами одной проблемы, волновавшей модернистов в начале XX века» (дисс., с 38), и что «... лирические герои поэтов, а также творчество Блока и Гумилева в целом, оказываются разнонаправленными векторами по оси мистико-духовных исканий» (дисс. с.43).

Но были ли эти направления объективно несовместимы? Или, быть может, эти два «вектора» были тождественны друг другу, находясь на одной «оси мистико-духовных исканий»? И если четвертый защищаемый тезис

утверждает наличие «бинарной оппозиции «чувственное-ментальное» как необходимый элемент гноиса женского Идеала в лирике Блока и Гумилева», то поэтические искания поэтов исходят из одного зерна, диалектически дополняют друг друга, являясь разными выражениями единого роста. В этом без сомнения следует согласиться с автором. И тогда «осознанный антагонизм между Блоком и Гумилевым», о котором пишет автор в конце главы, для их поэзии непринципиален и носит исключительно личностный, преходящий характер.

Последующее сравнительное исследование образных воплощений «женского Идеала» у Блока и Гумилева свидетельствуют именно о такой логике взаимодействия, хотя поэтическая непримиримость поэтов продолжает онтологически беспокоить соискателя. «Мировая революция Духа, к проведению которой стремились символисты, оказалась в философии акмеизма ненужной формальностью, лишенной какого-либо смысла», - пишет она.

Заметим, во-первых, что «революция духа» рассматривалась символистами как понятие религиозное, возможное в рамках мистерии Духа, которая была для них основополагающим религиозно-философским понятием. Во-вторых, если для акмеистов она оказалась «ненужной формальностью, лишенной какого-либо смысла», то как объяснить образные попытки передать эту мистерию в «Трамвае», ее интенцию в «Шестом чувстве» и других стихах? Разве эти пробы не свидетельство наследования духовно-творческой традиции символизма в образном развитии человеческого духа у Гумилева? Автор диссертации приводит слова Гумилева из «лондонского интервью» 1918 года: «Остается еще мистическая поэзия. Сегодня она возрождается только в России, благодаря ее связи с великими религиозными воззрениями нашего народа. В России до сих пор сильна вера в Третий Завет. Ветхий Завет – это завещание Бога Отца. Новый Завет – Бога-Сына, а Третий Завет должен исходить от Бога Святого Духа, Утешителя. Его-то и ждут в России, и мистическая поэзия связана с этим ожиданием...» (дисс., с.65).

Как тогда быть с «ненужной формальностью» мистико-символистских пророчеств, лишенных какого-либо смысла? Все же завоевания мистической поэзии для Гумилева были бесспорными и перспективными, а заявления о «неактуальности мистики для акмеизма» можно рассматривать, как полемическую попытку дать ей более достоверное выражение в органике пластических форм.

Существенным представляется наблюдение А.А.Жуковой над близостью позиций Блока и Гумилева по отношению к теоретическому

богоискательству, в котором, как полагает соискатель, «утрачивалась живая тайна Бога», постигаемая единственным возможным способом - «искрой Божьей изнутри».

Процесс постижения «божественного» «нутром» художника убедительно раскрыт автором работы при наблюдениях наследством создания женского Идеала в «Воскресших богах» Д.Мережковского и ранней лирике А.Блока. А.А.Жукова несомненно права, когда, во-первых, догадывается осуществить это сравнение и, во-вторых, когда находит бесспорную мотивную общность философско-эстетических и образных намерений у старшего и младшего символистов. Творческий опыт Мережковского, воплотившего в Джаконде единство языческих и христианских представлений о женском начале в мироздании, переживается Блоком и находит у него не заданную, как у Мережковского, а естественную и подлинно символическую многозначность. В блоковской поэзии мы находим россыпь и языческих, («Клеопатра») и софийных «ликов» женского Принципа, который заключен в мистические мифологемы.

О том, какими средствами и в каких художественных версиях воплощается и эволюционирует «женский Идеал», А.А.Жукова пишет в III главе работы. Всматриваясь в софийную «матрицу» блоковской поэзии, автор справедливо утверждает, что «софийная первооснова в поэзии Блока является <...> метафизической образопорождающей сущностью, способной на создание иных женских ипостасей» (дисс., с.125). Заметим только, что «софийная первооснова» прежде всего может являться предметом созерцания, поскольку в сущности своей является невыразимой. И, будучи преображенной в символ, она не может эволюционировать, а только множиться в образных аналогиях. Мысль об отсутствии эволюционного развития образов женского первоначала чуть позже высказывается самим исследователем: «Особо отметим, - пишет она, - что образ Идеала (Вечной Женственности) не эволюционирует в иные женские характеры (Незнакомка и др.), но словно, раскрывается в новой ипостаси». <...> Женские образы в творчестве Блока объединены в одинprotoобраз, Идеал, который выступает как главный компонент творчества, с которым опосредованно соотносятся все коллизии и мотивы (дисс., с.124).

Все верно: матрица порождает свои подобия, подсказывает коллизии и мотивы, которыми они связаны. Вид и характер отражений в сознании и творчестве художников зависит от качества, глубины и масштабов рецепции. Одно из давно отмеченных свойств художественного отражения – наличие оппозиций. Нередко бинарный читательский рационализм полагает их универсальной мерой строения и эстетической оценки текста. Чаще всего эти

образные отражения оцениваются нами в категориях конфронтации. К подобной позиции по отношению к блоковским «ипостасям» Вечной Женственности склоняется наш соискатель. «<...>Протообраз «Вечной Женственности, - пишет она, - претворяется у Блока в «первообраз Прекрасной Дамы», который «радикально отличается от новых женских образов». Так ли уж радикально? Неустанно указывая на синтез, автор упускает из виду, что неизбывное разнообразие Идеала в софийных и инфернальных образах – не что иное, как блоковская версия отраженного в мировой культуре закона соответствия, прием изображения «единства в лицах», но не принцип восприятия. В созерцании, на «вздохе», сущность воспринимается целостной, в осуществлении, «на выдохе», целостность разнообразится, но обеспечивается единством противоположностей. А в поэтической практике модернизма – художественным синтезом. Незнакомка, Фаина, Снежная маска столь же тождественны Прекрасной Даме, как все они вместе тождественны воспринимаемому сущностному Идеалу. Хочется еще раз напомнить о *мистериальном* характере переживания поэтами не только искусства, но и жизни. Мистерия искусства включает в себя весь воображаемый человеком спектр образности, который с тождественной точностью отражает этапные результаты его *единого* жизненного пути. В жизни, понимаемой как мистерия, смерть – не итог, а завершенность, освобождающая и направляющая энергию жизни к новым целевым воплощениям. Она оказывается новым продолжением начатого. Воплощения женского Идеала у Блока и Гумилева имеют туже природу. Они – образная череда авторских состояний, в которых в напряженной диалектике притяжений и отталкиваний рефлексируется и развивается сущностный концепт женской темы. И, как следствие, Идеал обретает художественно полярные воплощения. Автор диссертации очень проницательно нашла философское объяснение этому процессу, определив его аристотелевским понятием энетелехия. «Вечная Женственность, - пишет она, - является композиционной и сюжетообразующей энетелехией, то есть и принципом, и целью». Совершенно верно: Вечная женственность – это и принцип, и движение, и цель, – это этически мотивированная энергийная возможность, находящая свое разнообразное оформление в творческом сознании и поэтической практике. А.А.Жукова по-своему формулирует эту мысль: «Идеал перерождается в полифонию антitez, двойников и астартических образов, которые в то же время являются необходимыми составляющими единой первоосновы» (дисс., с.157). Таким образом, софийная и астартическая образность тождественны и происходят из одного источника – нутряного религиозно-философского переживания единства женского Начала

или Принципа бытия, которое было актуализовано модернистской культурой.

И с этой точки зрения автор делает верный вывод: «процесс познания или узнавания Её не сводится к обозначению и выделению главной, единственной ипостаси, поскольку каждый из явленных образов не является случайным<...>» (дисс., с. 129). И далее: «Идеал в поэзии Блока предстает как единая, «образопорождающая» сущность, из которой в разные периоды творческого пути воплощались те или иные ипостасные особенности Логоса: София, Прекрасная Дама, Снежная маска, Фаина и собирательное «Ты» - в позднем творчестве» (дисс., с. 135).

В конце работы А.А.Жукова самостоятельно приходит к признанию мистериального замысла поэзии Блока, когда раскрывает женский идеал в «Двенадцати». « Убийство Катьки является не столько разочарованием в Идее Красоты, сколько «хистологической» жертвой на пути к новому, преображеному миру<...>» (дисс., с.158). Мистериальные чаяния оказываются присущими и лирическому герою Н.Гумилева.

Высокой оценки заслуживает анализ образов «женского Идеала» у поэтов в связи с «автопортретами» лирических героев, от намерений, содержания и облика которых - убеждает нас А.А.Жукова – прямо зависят эстетические задачи изображаемых героинь. Автор показывает, как рядом с коленопреклоненным блоковским «женихом», потрясенным и плененным вечно ускользающей «Девой радужных ворот», возникает брутальный образ гумилевского воителя, который принимает свою судьбу из рук воображенной им «Астарты». Разговор о характерах лирических героев необходим и меток: герони «женского Идеала», как подсказывает автор диссертации, с высокой точностью соответствуют качеству этических волевых усилий, которые прилагают авторы и лирические герои в разные периоды создания стихотворений. У Блока бескровному созерцателю является подобный ему ожидаемый призрак, ибо «невозможно бестелесным открывать свои черты». Гумилеву является «владычица», «отдающая свои лучи» достойному ее бесстрашному герою, который ради нее «стал властителем вселенной» («Но лишь для вас, о лишь для вас»). Автор диссертации права: архетипы, ищащие воплощения у обоих поэтов, замышляются в их сознании и в обратном, «встречном движении» формируют образы своих создателей. Задуманные поэтами мистические образы героев, ищут и находят соответствие своим чаяниям в персонифицированных подобиях мистических героинь. Но А.А.Жукова заставляет вновь обратить внимание еще на одну зависимость: Блок идет и открывается своему Идеалу самостоятельно, следуя собственной интуиции. Выбор Гумилева мотивно зависит от выбора Блока и развивается

во внутренней полемике по отношению к его эстетическим намерениям. Здесь кроме преемственности присутствует честолюбивое стремление дезавуировать, опровергнуть бесплотный рисунок лирического переживания, мужественной прозой поступка.

В заключение подчеркнем, что работа А.А.Жуковой представляет собой завершенное научное исследование, выполнена творчески и вызывает неподдельный полемический интерес. Цель и задачи диссертации можно считать достигнутыми и аргументированными. Будь текст более вычитанным, ее достоинства нисколько бы не уменьшились.

Основные вопросы и замечания носят дискуссионный характер и не снижают научной результативности проведенного исследования.

Автореферат и опубликованные статьи соискателя отражают содержание диссертации.

Диссертация соответствует требованиям пунктам 2.1-2.5 Положения о присуждении ученых степеней в Московском Государственном университете имени М.В. Ломоносова и оформлена согласно положениям 5, 6 Положения о диссертационном совете Московского Государственного университета имени М.В. Ломоносова.

Автор диссертации «Блок и Н. С. Гумилев: религиозно-философские основы творчества (женский Идеал и его интерпретации)» Александра Андреевна Жукова заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.01.01 – русская литература.

Доктор филологических наук,
профессор кафедры русской литературы

Института филологии МПГУ

О.В. Дефье

19.05.2018г.

